

– А-а, батенька! Уже выпустили? – приветствовал Ваську протянутой рукой памятник Ленину, стоя неподалеку от парадного подъезда, в разбитом напротив здания парке.

– А чего нам! – отмахнулся Васька, скидывая на свежеекрашенную скамеечку пудовую наволочку с мелочью. – Ты вот, жалость какая, припозднился. Коечку тебе подобрали. Классную. На идеологических подпорках.

– Мне подпорки не требуются. Я памятник!

– Подумаешь, там даже один бывший член Политбюро загибается, а ты мне – «памятник, памятник».

- Небось, опальный член Политбюро? С тайным вторым гражданством? Этакий внутренний иностранец, из тех, кто навострил лыжи за кордон. Так вот... «Насчет иностранцев советую не спешить высылкой. Не лучше ли в концлагерь...» Более подробно в полном собрании сочинений, том 50, страница 335.
- Хрен его знает, какой он член. Я не приглядывался. Но говорит, говорит – агитирует мудаков.
- «Отсталые массы не проймешь теорией, им нужен опыт».
- Чего?
- Ленин. Полное собрание сочинений, том... Да ну тебя! Самостоятельно изучай наследие вождей, я тебе не справочная.
- Не пудри мне мозги! Договорились? А то Там и монументы принимают, и даже мемориальные комплексы.
- Зачем мне? – воспротивился памятник. – Я вполне здоров.
- Но память твоя, память... уже подводит, как я заметил. Номер тома выскочил из головы, не так ли?
- Не приставай с памятью, Васька! Память – стабильная, не хуже чем в телешоу «Кто? Где? Когда?».
- Но те хоть памятью кормятся.
- А я – нет? Вот смотри! – памятник Ленину простер кепку к похрамывающему по асфальтовой дорожке с упором на эбонитовую палочку старичку в мундире без погон, но в генеральской папаче с кокардой и с коленкоровой папочкой для бумаг под мышкой. И громко процитачил: «Глупы те, кто в политике судят о людях и партиях по словам их...»
- Да-да, глупы, – подтвердил старик, вкладывая денежку в забронзовелую кепку. – Их слова – сплошной дым, и расходятся с делом. Не то, что мои...
- Ваши? А что вы изволили сказать? Не расслышал...
- Гвардия погибает, но не сдается.
- А-а... Наполеон, собственной персоной?
- Узник острова Святой Елены.
- Врагами отравленный?
- Да, нет! Историческая ошибка.
- Отчего же изволили умереть, батенька?
- Не поверите, от обоев моей собственной спальни.
- Не может быть!

– И те не верят, – старичок показал палочкой в сторону сумасшедшего дома. – Иду доказывать, с вырезками из газет. Вот они у меня все здесь, не отвертятся, – похлопал по коленкору, пригретому под мышкой.

– Что же пишут нынешние борзописцы? «Искру», батенька, продали Нефтегазу, как только из нее возгорелось пламя. Теперь, пожалуй, развесистой клюквой торгуют, а?

– Какая клюква! Не клюквой я отравился. Мышьяком! А дело было так. Читаю согласно документу. – Старичок распрямил на обложке газетную вырезку и, близоруко щурясь, начал: «Современные научные исследования показали, что пигмент, содержащийся в красках обоев наполеоновской спальни, включал в себя отравляющие вещества и под воздействием влажного воздуха выделял мышьяк в губительных для здоровья дозах. Кстати сказать, фрагменты этих обоев были недавно проданы на аукционе Бонхемс в Лондоне по цене 3000 фунтов за лот». Васька, прослышав об аукционе, не устоял от соблазна, влез в содержательный разговор со своими мелкими интересами насчет того, как заработать лишнюю копейку и пропить ее, не отходя от кассы:

– А у вас, уважаемый Наполеон, добавочных рулончиков с обоями не сохранилось?

– На острове Святой Елены, хранятся в чулане.

– Отчего же не полетите?

– Визу не выправляют. Без поручительства.

– Только и всего? – удивился Васька. – За чем же дело стало? Памятник Ленину дает вам, товарищ Наполеон, поручительство.

– А оно надежное?

– Надежнее не бывает, – заверил памятник, подсовывая кепку под вторую денежную бумаженцию. – Если партия подпишется, то ОВИР ответит – «есть!».

– А засвидетельствуют?

– Кто?

– Они, эти Фомы неверующие? – старичок вновь показал палочкой на сумасшедший дом.

– Засвидетельствуют, засвидетельствуют! – напористо давил Васька. – Ведь не хухры-мухры какой ходатайствует за тебя, Наполеон, а памятник Ленину! – и заторопил пациента психиатрички к парадному подъезду, полагая, на большее тот уже не расщедрится, а то ни гроша не останется на взятки медперсоналу.

Проводив взглядом любимца французского народа, он и не заметил, как к свежеекрашенной скамеечке с наволочкой, набитой звонкой монетой,

пацанята дворовой выучки и сообразительности подкатили тележку, полную различного барахла.

– Сеня, – представился старший.

– Вася.

– Хокки-доки! А это кто с тобой? – махнул коротко остриженной головой в сторону.

– Памятник.

– Какого металла?

– Полагаю, не утильного. Гвозди бы делать из этих людей.

– Хокки-доки! Делай самостоятельно! Гвоздевой металл нам не треба.

Веса много – денег мало.

– Привередливый... По вызову лишь за цветным выезжаешь, как скорая?

– Хокки-доки! А мы и есть скорая помощь по сбору утильсырья. Раз и двас, взвесим-оценим и за оплатой не постоим.

– Ленина все равно не продам, и не уговаривай! – Васька присел на скамейку, вытащил из кармана пачку сигарет.

– Нужен он нам! Его теперь только за бугром берут, для коллекционеров.

Сеня поднес зажигалку, пыхнул огоньком.

– Ролекс! А чем ты еще богат, братан? – ткнул пальцем в туго набитый мешок. – Батарейки для часов? Аудио? Видео? Диски?

– Презренный металл! – хохотнул Васька, выпуская первое кольцо дыма.

До второго не дотянул – впал в прострацию.

– Хокки-доки!

Дворовые обрадовано воскликнули:

– Бартер! – и поволокли на тележке наволочку в неизвестном направлении.

– Стой, вернись! – заорал вдогонку Васька Брыкин. – Нам такой хоккей не нужен, бартер ты, недоделанный!

Но крики не достигали цели, как и запущенная в голову Сени зажигалка. Васька наострил кулачишко, и рванулся было со скамейки:

– Даешь погоню!

– Куда это тебе так срочно некогда, что собрался в погоню? – остановил его суровый оклик. – Да еще с общественным добром на заднице!

«Какого рожна?» – подумал обанкротившийся миллионер и глянь на памятник. Тот печально ковырял пальцем в носу и бормотал от расстройства нечто несусветное: «Мы диалектику учили не по Гегелю.

Вывоз капитала – есть паразитизм в квадрате. А кража его – в кубе, если вообще не в пятой степени».

«Нет не он, – убедился Васька. – Кто же?»

Тут он и приметил паркового смотрителя, с тачкой, нагруженной банками с краской, и кистью, вместо пиратского ножа, за поясом. А приметив, признал в нем деда Антипа, мужа Матрены, застигшей его спозаранку на чердаке в состоянии малой вменяемости, но с бутылкой водки.

– Дед Антип! Ты? Какими судьбами?

– А теми, что слежу за порядком.

– Я-то причем?

– Притом, что у тебя на виду общественности – сплошной непорядок.

Посидел на скамеечке, уходи. Зачем же уносить на заднице городское добро?

– Не загибай!

– Тащишь, что ни попадя! Не видишь? Окрашено! А ты краску налепил на брюки и бегаешь. Мне теперь снова наводить марафет. Олифа. Колер.

Растрата выйдет в копеечку.

– А краска у тебя на спирту?

– На чем же еще?

– Количество банок?

– На весь парк.

– Парку-то зеленая краска на что? Он и так зеленый. «Травка зеленеет, солнышко блестит. Под кусточком блеет дядя-инвалид». Или врут мои глаза?

– Не врут!

– А человеку без «зелени» худо.

– Согласен.

– Тогда наливай!

– Без промокашки вмиг представимся.

– Не боись!

Васька вынул из бокового кармана пиджака походную промокашку-спасительницу, хранимую на случай неподконтрольной жажды.

Расстелил поверх краски и зачарованно смотрел, как она оседает ко дну, пропускает сквозь себя на поверхность прозрачную жидкость, пахнущую вполне пристойными градусами.

– Поминки у нас, дед Антип, намечаются. По твоему адресу. А снадобья против птичьего гриппа еще не сварганили. И покойничка еще не сыскали. У тебя в парке не обретается, случаем, свежак-лежак?

– А он на что? – осведомился старик, рекомендуя на незанятую должность памятник.

Тот отказался от вакансии.

- Лучше кого-нибудь из моих верных учеников! – шлепнул с негодованием кепкой о ладонь. – Зачем я учил их? Чтобы в нужный момент встали на мое место.
- Выучились твои Ваньки Жуковы! Теперь сами преподают. Науку классовой нетерпимости, – сказал дед Антип.
- Где? Кому?
- В небесных университетах. Боженьке. Для смеха.
- А мой Совнарком?
- Зачислен в шпионы. И – к стенке.
- А техническая интеллигенция?
- Вредители. И – в пыль.
- А железный Феликс куда смотрел?
- Как обычно, в корень. Да перековали-то железного. На социалистические рельсы. Вишь, вон шпарит по ним во весь дух трамвай. Как по косточкам – скрип-скрип.
- Так что же, никого не осталось, чтобы в гроб?
- Никого, кроме тебя. Пока тебя в гроб не положишь, твой образ не выкатится из страны.
- Откуда ты такое знаешь – весь из себя занюханный да малограмотный?
- Это сегодня я малограмотный, – возмутился дед Антип. – А за разговорами с конструкторами космических кораблей Сергеем Королевым и его подельниками, когда их, еще до смерти Сталина, охранял в «Шарашке», чай, выглядел пограмотней.
- Что же они тебе наговорили под дулом пистолета?
- Да не мне, мое дело – подслушивать! А своим сокамерникам. Тело, мол, Ленинское, надо предать земле, чтобы истлело. В Мавзолее оно излучает какую-то необыкновенную энергию, губительную для всего, почитай, человечества, космического, стало быть, толка и качества. Недаром повадились к Москве летающие тарелки. Не иначе, как за этой энергией.
- С ними даже воздушный бой был из-за этой энергии. Над Капустиным яром, в 1952-ом, – подсказал Васька Брыкин. – Наши истребители посбивали космических верхоглядов, потом летчики и сами полегли костью. В Кремле распорядились, чтобы тайна не просочилась наружу. А то американцы тоже лакомы до инопланетных технологий.
- Откуда к тебе подобные сведения просочились? – удивился дед Антип.
- Мы же подписку давали о неразглашении.
- Чудило! Забыл, кто я?

- Отчего же, шпион.
- Но ваш.
- Наш! Наш! От Ленина, от Сталина и социализма с человеческим лицом.
- Не запамятовал. Хвалю за службу!
- Служу Советскому Союзу! Дык я тоже завербованный. От Ленина, от Сталина и от социализма с их лицом на важнец-денежке от зарплаты.
- Вот и примерься к памятнику. Не в Мавзолей же ходить, чтобы мерку снимать для гробика.
- Там – посягательство! Заарестуют! – начал старик примеряться, бегая растопыренными пальцами по памятнику, от туфель не первой свежести до зачерствелой кепки.
- Хуже! – уточнил Васька. – Там всяк входящий пропитывается неземной энергией и становится этаким маяком для космических пришельцев.
- То-то они летят к нам нынеча, как саранча, если газеты почитать да в телевизор глянуть.
- Летят. Но не саранча. При посадке им опознавательные знаки подавай из энергетических сгустков. Казалось бы, везде они разбросаны по России-матушке – повезло с ориентирами. А садятся на землю и вляпываются в кучу дерьма – вокруг нержавеющей коммуныги, что хаживали паломниками к Ленину. Не с кем по душам поговорить. Сразу тащат в органы. И – каюк!
- Проблема не в них, – заметил памятник. – Люди как люди, ноги мне всегда цветами украшают. Песни поют – «Ленин – наше знамя боевое!». Проблема в самом Мавзолее.
- Специалист! – присвистнул дед Антип, обмеряя пальцами ширину Ленинского лба.
- «Вспомогательное тайноведение», – пояснил памятник.
- Ага! Вспомогательное!
- С «Основным курсом» без бутылки не разберешься.
- Мы и с бутылкой не разобрались, хучь ты... – постучал пальцем по измеряемому лбу, – и талдычал нам: «правильным путем идете, товарищи!»
- Все путем. Все путем, если в ориентирах не ошибиться.
- Поэтому у тебя отныне вместо марксизма тайноведение на вооружении?
- Вспомогательное, батенька, вспомогательное.
- Ну, Бог в помощь. Выкладывай «вспомогательное».

Памятник прокашлялся и на полном серьезе повел, словно он на кафедре в институте:

– Том второй, страница десятая. Цитирую по памяти. «Мавзолей – усеченная ступенчатая пирамида. Обладает свойством концентрировать в забальзамированном теле потустороннюю энергию. Недаром древние египтяне хоронили своих фараонов в пирамидах, и тем самым создавали на земле энергетические опознавательные знаки и запасы топлива для космических пришельцев, своих богов. То же, но по незнанию, совершили русские, возведя Мавзолей. На самом деле, они воссоздали по доисторическим чертежам притягательный для инопланетян источник потусторонних энергий. Принцип: главное – слямзить, а там хоть трава не расти, себя на сей раз не оправдал – не атомная бомба. К тому же инопланетяне не американцы, они и не подозревали о существовании подобного принципа и с распростертыми объятиями летели к братьям по разуму, ориентируясь на энергетический маяк. А их пулями из «калашниковых», их снарядами из скорострельных зенитных установок, будто и не боги они заегипетские, будто какие-то занюханые космические коммивояжеры с воровскими наклонностями. А что воровать-то, что? Брежнева? Черненко? Сулова? Примкнувшего к ним Подгорного? Членов Политбюро из Кремлевской стены? Да сожжены они и превращены в пепел. Какие из них маяки? Какая от них энергия? Никакой от них энергии, ни опознавательной, ни заупокойной. Непонятно, зачем и жили на свете и людей ради возвеличивания своего имени посылали на смерть?»

– Тебе-то откуда все это известно? – удивился Васька, выслушав речь памятника, отлаженную, как по учебнику.

– Из тех же источников!

– Да ну?

– Гну!

Васька Брыкин с новым интересом посмотрел на случайного спутника приключений и подумал: «не такой уж он случайный».

– И ты?

– Нет, в нашей общей «Шарашке» я вовсе не Брут.

– Постой! Постой! Ты из моего спектакля?

– Уже горячо.

– На сцене ты... Ну, да! Ефрейтор! – узнавая, воскликнул Васька. –

Ефрейтор с аккордеоном? С усиками под Гитлера?

– Здесь я с бородкой, под Ленина.

– И не тяготит?

- Одна хреновина! Что этот привел к власти свою партию, – постучал себя по груди. – Что тот! Что этот понастроил концлагерей, что тот. Перевоплощение по Станиславскому, и никто в Гитлере не приметит Ленина, а в Ленине Гитлера.
- Философ!
- С усиками было сложнее, чтобы ты не признал. А бородка... Лысина... Брюшко...
- Маскировка?
- Кото-Васия, – ответил памятник с ударением на третьем слоге, придавая ему особое значение.
- А зачем?
- Да нельзя же тебя отпускать без пригляда. Автор! Того и гляди, сбежишь с новой рукописью опять в Израиль.
- Ладно, чего там, – неопределенно махнул рукой Васька. – И у тебя увольнительная, памятник, тоже не бессрочная.

7

Дед Антип мастерил гробик. Не простой. Пирамидальный. Чтобы и памятник было куда положить, и эксперимент с потусторонней энергией провести. Глядишь, с пьяных глаз, еще и космические гости пожалуют. «Милости просим, господа-туристы, вот вам гробик с вечно живым, вот вам граница между нашими мирами. А на границе, не извольте сумлеваться, таможня. Согласно закону, по указу свыше, поставлена. В моем единственном лице. И с моим единственным вопросом. Есть у вас башли заморские? Золото? Бриллианты? Вымай из карманов, ложь на прилавок. Сосчитывать будем. На обратном пути все заберете, что останется».

Мечты, мечты – как сладок ваш размах!

Рубанок – «фырк-фырк!», стружки – «шорх-шорх!», молоток – «трах-трах». А ладошка с любовью гробовое днище поглаживает. «Ладненько!» Комнатушка, заваленная пилеными досками, пахла, как соцреализм, романом на производственную тему. Но дед Антип, и без знакомства с последними книжными новинками, безошибочно догадывался: сегодня он отнюдь не является ценной находкой для инженера человеческих душ, как бывало прежде, когда вышеобозначенного инженера перебрасывали с карательного на литературный фронт. Его занимало другое.

– Как у тебя там? – вперся он отнюдь не загадочным взглядом в кудесника- алхимика Ваську Брыкина, невероятным, если трезво подумать, способом добывающего на подоконнике из банок с клеевой краской снадобье против птичьего гриппа.

Васька поднес ему мензурку.

Дегустатор безбоязненно опробовал лекарство. И удовлетворенно крикнул:

– Шибает!

Васька, будто он уже доктор ликероводочных наук, горделиво улыбнулся:

– Назовем наш коктейль «Танец маленьких лебедей», а?

– Нет-нет! – воспротивился гробовщик. – На поэтическом языке – верно.

А на житейском – ни в коем разе! Ни одна маленькая леблядь дозы такой не выдержит. Скурвится. Пиши этикетку: детям до шестнадцати лет прием возбраняется, взрослым принимать, но, согласен, в малых дозах. А то и взрослая леблядь, выросшая из маленьких до больших размеров, летать не сможет.

– Это словами непьющего младенца глаголет истина! – стал вразумлять матерого алкоголика Васька. – А ты – старик, вот и не допонимаешь. Не допонимаешь, старик! Нам ведь что нужно? Нам именно это и нужно, чтобы птицы уже не летали.

– А-а? – догадливо повел бровями дед Антип. – Не полетит, зараза, значит и хворобу свою в перелетные страны не понесет. Скурвится прямо на месте.

– Подохнет!

– Ну, Васька, Сталинские слова – добить зверя в его волчьем логове!

– Птицу!

– Птицу? Значица, пришибить птицу! В гнезде, где мать ее породила!

– Из яйца!

– Из яйца породила – в яйце и умрет! – машинально подхватил старик, но тут же спохватился: – А яйца-то причем, Васька? Яйца за родителей не отвечают. Их бить – яичницу не кушать. Да и куда они без крыл полетят, если мать их, леблядь которая, пьяная в усмерть?

– Яйца летать не могут! – подтвердил с кушетки памятник. Наклюкался уже до кондиции, голову на подушку запрокинул, памятью ослабел, цитату перепутал: – Рожденный лежать, летать не может! Буревестник революции!

– Стоп-стоп! – занервничал бывший охранник. – И не курлычь, любя, но этой доброй птице яйца бить не стану!

– Какой птице?
– Буревестнику революции!
– Да то – Горький.
– И Горькому не буду! Уважаю! Ленин в Горках отдыхал, и Сахарова ссылали в Горький.
– А меня ты уважаешь?
– И тебя уважаю.
– О, гляди, Васька, люди у нас растут сознательные! – восхитился памятник.
– Особливо как выпьют, – подтвердил дед Антип. – Не дрейфь, товарищ, за яйца. Ползи сюды, коли летать не можешь. Примеряться зачем. Гробик действительно удался. Рост в рост. Крышка вострится пирамидкой, будто под какого Хеопса смастерена. И чтоб не скучно было покойнику, с просторным окошком. Для обозрения и доступа воздуха.
– Батенька, да ты – мастер! – воскликнул памятник, когда перебрался, взяв подушечку, с кушетки на новый, более жесткий лежак. – Золотые руки!
– Будь чужие, сдал бы непременно в ломбард – самородное золото! – пошутил ветеран охранных войск. – Ан свои! Не понесешь! И на золоте своем с голодухи подохнешь!
– Так покрутись-посуетись! Подхалтурь!
– Я бы покрутился, да клиентуры нет. Никак не подохнет моя клиентура. Ты уж будь человеком, памятник, посодействуй. По гроб благодарен буду! – и захлопнул пирамидальную крышку.
Памятник пощелкал ногтем по дереву, прислушался к глухому отклику потустороннего мира и без особой уверенности в голосе сказал:
– Ладно! Ладно, батенька! Я тут что-нибудь придумаю, – и высунул в прорубленное окошко руку с растопыренными пальцами. По теории, так утопающий хватается за соломинку, на практике – за стакан.
Ему налили. Себе налили. Выпили. Траурная тишина воцарилась в ночлежке. Еще налили. Еще... Люди пили молча, даже не крякали и не произносили вслух: «хорошо пошла!» Жизнь представлялась им в розовых тонах, хотелось петь и смеяться, как дети. Но это, пересиливая себя, они оставляли на потом, когда заявятся гости из сумасшедшего дома.

Но заявили не психи.

Заявилась тетка Матрена. И не одна, а с самыми верными слухами, что соль дорожает и спички исчезнут с прилавка – не иначе, как война

начинается. Матрена сызмальства кормилась слухами, дабы ноги не протянуть с голодухи. Поэтому была сильна в теле и в идеологической убежденности. Какая бы власть ни пришла на постой сегодня, – считала матерая, – завтра во двор возвратится власть правильная.

– Враг не дремлет! – кричала она возбужденно. – А вы? Вы?

– И мы, – нечленораздельно пробормотал памятник, отрывивая лекарственной настойкой, цвета свежепокрашенных парковых скамеек, с приправой из мелко нарубленного чеснока и лаврового листа, вкуснятины необыкновенной.

– Святотатцы! – испуганно отпрянула Матрена, различив в гробовом окошке любимые черты лица, усов и бороды. – Кого в деревянный бушлат запихнули? Соль дорожает, спичек нет – война на носу, а вы!.. Родины у вас нет за душой!

– А с кем мы воюем, тетка? – попытался ее уразуметь Васька Брыкин.

– С кем нужно, с тем и воюем! За разглашение – смерть!

– Нате вам! – беспомощно развел «золотыми» руками дед Антип. – Всегда с ней одна и та ж неурядица. Как я за стакан, так у нее война на носу.

– А не так? – взъерепенилась тетка Матрена. – Забыл, из какого кабака я тебя на ту войну вытягала? А на другую?

– Ну, пьющий я, старая, пьющий. Однако, малопьющий, согласись!

Всего-то, припомни, лишь на две войны ты меня и вытягала из кабака.

– А освободительный поход в Афганистан?

– Даешь старая! Освободительный поход! Тут тебе сам Бог велел выпить!

– Бог мне не указ! Я себя под Лениным чищу, чтоб плыть в революцию дальше! – разорялась боевито взведенная женщина, вспомнив от напряжения стихи комсомольской молодости.

– Девушка, – примирительно заметил Васька, протягивая Матрене стопарь. – Вы еще не рыба-русалка, не надо себя преждевременно чистить.

– Подо мной ни в коем случае! – заволновался и памятник в гробу. – Не делайте подо мной ничего лишнего!

– Чтобы плыть в революцию дальше! – пояснила, но уже не столь порывисто жена потомственного алкоголика, подпадая под чару сорокоградусных испарений.

– Ну, и плыви, мать, пока не утонешь. А я еще приму на грудь. И как-нибудь побулькаю на поверхности, – не к месту влез со своими

словесными упражнениями дед Антип и перехватил протянутый Матрене стопарь с целительной настойкой.

Хлоп! – в глотку.

И в отместку – бац! – по морде, в виде и образе реакции на нарушение принципов семейного общежития.

– Ты чего, старая? Спятила? – дед Антип уклонился от второго, брошенного вдогонку за первым кулака.

– Война на носу! Соль дорожает! Спичек нет! А они... Последний стакан, и тот изымают у трудящегося люда! Думаете, управы на вас не найду?!

Стукнув дверью о косяк, матерая выскочила в коридор и подрала вниз – рассыпала дробь шагов по каменным ступенькам.